

Галина Ицкович. Примерка счастья. – М., Вест-Консалтинг. 2018 – 208 с.

Книга «Примерка счастья» разнообразна и многопланова. Счастье – словно новая одежда. Всегда интересно, когда женщина-поэт красиво обыгрывает повседневность, используя образы, больше свойственные именно прекрасному полу. Мужчина об этом вообще не думает. Вот примеришь своё счастье, а оно может оказаться слишком большим для тебя. Или наоборот – ты не сможешь в него втиснуться. Мы видим: идеал счастья – не в крайностях, а в золотой середине, в соответствии себя – масштабу этого счастья. «Счастье – это наша общая родина», – считает автор.

Ицкович – прервосходный рассказчик. Именно в стихах её талант раскрывается во всей красе: сгущение жизни и нетривиальное видение мира делают её стихи интересными и познавательными. Вот, например, школьное воспоминание о мальчике, который часто звонил и молчал в трубку. А теперь стал часто приходить героине во сны. Мальчик девочке не нравился, он был ничем не интересен – ни внешностью, ни поступками. Зачем же тогда об этом вспоминать? Разгадка наступает в самом конце стихотворения. Оказывается, этот одноклассник сгорел в танке на одной из «локальных» войн конца прошлого века. В сущности, это плач автора о мальчиках своего поколения, недолюбленных и погибших.

Галина Ицкович никогда не пишет на потребу невзыскательной публики. Её лирика – исповедальна; поэт пишет... себе. *«Предоущение смерти / Впивается в ухо / Иголкой акупунктураиста. / Предоущение смерти / Проносится по хайвею / В миллиметре от левого зеркала»*. Важно и то, что Ицкович – жизнелюб. Мир дан ей и в чувствах, и в мыслях, и в ощущениях, что делает её лирику объёмной и разносторонней. Многое в мире, – говорит поэт, – начинается с тревоги: любовь, поэзия, жизнь. Так что, в сущности, тревога – не так уж и плохо для нас. Она, в конечном итоге, условно полезна. Хотя и нервирует, «наяривая мимо нот». *«Жара свинчивала во влажный жгут нервы и вены»*. У автора прекрасный, сочный и неотразимый русский язык. А какой удивительный гротеск и едкая самоирония в стихотворении «Юдифь»! Галина, похоже, рассказывает историю собственной эмиграции, наложив её на ветхозаветную историю.

Поэзия Ицкович – феномен нестандартного мышления. Поэтесса готова любую классическую историю перетолковать по-своему. Такая самоирония, как у Галины, встречается крайне редко. Историю Красной Шапочки она опять-таки примеряет на какую-то собственную историю: тоже попала в волчью пасть и тоже спасена, хотя, может быть, и не заслуживала спасения. Воистину, примерка счастья! *«Я пишу о совершенно других вещах: / Об ожидании предательства; / О путешествии через узкую волчью глотку; / О страхе быть спасенной снова и снова; / О режущем свете, отражающемся от лезвия над головой. / О женах охотников, говорящих, что / Я сама виновата; / О лжи; о предчувствии страха. / О невозможности выбора»*.

Стилистика Г. Ицкович тяготеет к верлибру. Её стихотворные полотна – не маленького размера. Кажется, её вдохновляет длинное дыхание Иосифа Бродского и его интеллектуально-исповедальная манера. Любимый стихотворный размер – дольник. В стихах Ицкович подспудно «звучит» Одесса – в сущности, неоставленный город детства. Некоторые образы в книге дивно хороши и не забываются («обмотайте голову ночью», «в волосах моих белки устроят гнездо»). Книга

составлена таким образом, что частная жизнь героини (мигрени, большие страдания и т.д.) перемежается с чисто философскими рассуждениями, и такой план представляется мне очень интересным. Живое – то, что хочется буквально пощупать, чему можно сострадать, дополняется метафизическим. Например, в стихотворении «Билеты забвения» поэт рассказывает о странных взаимоотношениях между памятью и забвением у человека. Затем следует цикл стихотворений о путешествиях. Большой талант – писать длинные полотна так, чтобы не наскучить читателю, по-уитменовски. Но порой Галина пишет и кратко – всё зависит от замысла: *«Я открыла глаза и увидела, / до чего ты, спящий, стал похож на свою маму. / Я с годами, наверно, стану / напоминать дедушку. / Представляю, как эти двое еженощно / будут вступать в перебранку, / даже не просыпаясь, не подозревая о том, / что небо предместья свободно («Шагал»)».*

Галина Ицкович – «ныряльщик» за образами, обладающий весьма парадоксальным мышлением. Вот, например, стихотворение о том, как героине не хватает в жизни... умершего соседа по даче. Причём автор пишет о том, что хотела бы вместе с соседом... пожить. Боже мой, как одиноки мы в этом мире! Когда мы здоровы, больной человек нас раздражает, а когда нам плохо, то некому разделить с нами боль и печаль. Стихи Галины проникнуты особой человечностью, сочувствием и к живым, и к ушедшим. Её творческая палитра широка. Например, по аналогии с «Охотой на волков» Высоцкого, она создаёт «Сезон охоты на оленей». Перевоплощение? Нет, идёт обычное повествование «со стороны», от третьего лица. Но вот я читаю: *«А олени не спрашивают, в чем их провинность, у бога оленьего, / Наперёд не планируют, по расстрелянным не скорбят...».* Странен олень – странен и человек, но по-другому. Симпатии автора – на стороне безвинно убиваемых животных. Сезон охоты прочитывается и шире, как охота человека на человека, как локальные и необъявленные войны.

Ицкович нашла свой уникальный стиль, позволяющий ей писать на двух языках и быть одинаково современной и по-русски, и по-английски. Её балладные стихи всё-таки, по большей части, зарифмованы, и это плюс для русского читателя. У нас ведь как считают? Если нет рифмы, это словно бы и не стихи. С другой стороны, рифма у Галины, как и у Бродского, носит не стержневой характер: мысль на рифме у неё не заканчивается. Если же писать эти стихи по-английски, где рифма сейчас уже не актуальна, у поэта есть в колоде другие козыри: ситуационность многих произведений легко переводится на другие языки. Повествование у автора плотное, лексика точна. И на рифму уже особого внимания не обращаешь.

Для поэта важно жить в родственном душе городе. Галине Ицкович дышится легко и свободно в Нью-Йорке. Город внимателен к

человеку – чего же ещё желать для примерки счастья? Это большая редкость, когда человеку уютно в мегаполисе. Нью-Йорк многолик, в нём есть небезопасные районы, населённые выходцами из малокультурных стран. Но поэта это нисколько не смущает. Характер у неё – что надо, боевой. Они с городом нашли друг друга, это – культурно-пространственный симбиоз города и человека. Ицкович не прошла мимо Нью-Йоркской трагедии 11.11.2001 года. С таким горем трудно примириться поэту, особенно если это происходит в родном городе.

Повторюсь – мышление Галины нестандартно. Взять, например, «Колыбельную для левой руки». Левая рука – возможно, лучшая часть тела у правой. Она очищается... неучастием в наших спорных делах, творимых основной, правой (и часто – неправой) рукой. Или замечательный образ ныряльщика: человек ныряет в глубину своей сущности, чтобы вынырнуть обратно к людям – принципиально другим. Можно утонуть и не всплыть! Сама процедура обновления связана с неким риском для жизни. Но порой – оно того стоит!

«Примерка счастья» читается захлёб. С остановками – для осмысления и сопереживания. А ведь в книге есть ещё уникальные переводы с английского языка! Я уже примерил своё счастье читателя. И оно оказалось мне впору.